

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

ФИЛОЛОГИЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием, посвященной
90-летию со дня рождения доктора филологических наук,
профессора Г.Е. Корнилова**

г. Чебоксары, 19 марта 2026 г.

Чебоксары
2026

УДК 8(063)
ББК Ш.я431
Ф54

Редакционная коллегия:
Л.В. Борисова, Т.Н. Ерина, А.М. Иванова

*Печатается по решению Ученого совета
Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова*

Филология: история и современность: материалы
Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв.
Ф54 90-летию со дня рождения д-ра филол. наук, профессора
Г.Е. Корнилова (г. Чебоксары, 19 марта 2026 г.) / Чуваш.
гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2026. 480 с.

ISBN 978-5-7677-4022-2

В сборник включены статьи по актуальным проблемам современной филологии в свете традиционных и новых лингвистических и литературоведческих теорий.

Для специалистов-филологов, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов, студентов, учителей русского языка и литературы.

УДК 8(063)
ББК Ш.я431
© Чувашский госуниверситет
им. И.Н. Ульянова, 2026

ISBN 978-5-7677-4022-2

А.Р. НУРУТДИНОВА

**ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ЭМОТИВНОГО КОДА:
ПЕРИФЕРИЙНЫЕ СОМАТИЧЕСКИЕ
КОНЦЕПТЫ «РОТ/ГУБЫ» В РУССКИХ,
АНГЛИЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ПАРЕМИЯХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)¹**

Аннотация. Исследование проводит сравнительно-сопоставительный анализ паремиологических единиц в разнотипных языках, фокусируясь на репрезентации эмоций (любовь, страх, стыд, гнев, уверенность) через периферийные соматические концепты «рот» и «губы». Цель – выявить универсальные и культурно-специфичные паттерны вербализации эмоций в паремиосфере. Методология интегрирует сопоставительную паремиологию, семный анализ и лингвокультурологический подход. Анализ выявляет роль рта / mouth / 口 (kuchi) и губ / lips / 唇 (kuchibiru) как культурно-обусловленных эмотивных маркеров, где их аксиологическая маркированность и прагматика существенно варьируются: русские паремиологические единицы (ПЕ): «Рот» часто связан с негативом: болтливость, жадность, «Губы» – сдерживание гнева; английские паремиологические единицы: «Mouth» акцентирует осторожность/правду, «Lips» – сдержанность/искренность; японские ПЕ: 口 (рот) часто маркирует осторожность и социальный контроль, 唇 (губы) – смущение или решимость. Диссонансы в эмотивной интерпретации объясняются глубинными лингвокультурными факторами: языковой макросемьей, национальной концептосферой, социопсихологическими доминантами. Подтверждается гипотеза о дисбалансе репрезентации эмоций с доминированием негатива. Результаты параметрического сопоставления устанавливают типологию паремиологических эквивалентов, аналогов и лакун, значимую для межкультурной коммуникации, когнитивной лингвистики и лексикографии.

¹Исследование выполнено в рамках реализации гранта Академии наук Республики Татарстан для молодых постдокторантов с целью дальнейшей защиты докторской диссертации.

Ключевые слова: сопоставительная паремиология, соматизмы (рот/губы), эмотивный код, сопоставительная лингвистика, лингвокультурология, паремиологическая эквивалентность, семный анализ.

Паремиологический фонд языка, представляющий собой конденсированное отражение этнокультурного когнитивного опыта [10. С. 78], функционирует как семиотический механизм кодирования базовых аксиологических доминант и эмотивных концептов. В рамках сопоставительно-сравнительной лингвистики анализ соматической паремиологии (в частности, единиц с периферийными соматизмами «рот» и «губы») позволяет реконструировать культурно-специфичные модели эмоциональной репрезентации, базирующиеся на телесном коде [23. С. 145]. Данное исследование осуществляет сравнительную параметризацию паремиологических систем русского, английского и японского языков, фокусируясь на диссонансах в эмотивном осмыслении указанных соматических концептов, что обусловлено их положением на периферии соматического универсума [7. С. 63].

Теоретической основой выступает интегративная парадигма, синтезирующая: семный анализ паремиологических единиц (ПЕ) с выявлением интегральных и дифференциальных эмотивных сем [4. С. 112]; лингвокультурологический подход к телесности как культурному конструкту [12. С. 41]; принципы диахронической семантики в трактовке фразеологической деривации [1. С. 89]. Периферийность концептов «рот / mouth / 口 (kuchi)» и «губы / lips / 唇 (kuchibiru)» в соматической иерархии паремиосферы [8. С. 156] определяет их «высокую семиотическую вариативность». Как отмечает В.Н. Телия, «соматизмы в паремиях актуализируют не физиологический, а культурно-эмблематический аспект телесности, выступая маркерами этнически обусловленных сценариев поведения» [10. С. 202].

Сопоставительное изучение данных единиц в типологически дивергентных лингвокультурах (индоевропейские vs изолированный японский) выявляет: дивергенцию в аксиологической маркированности; эмотивную полифонию соматизмов; лакуарность паремиологической эквивалентности. Целью работы явля-

ется установление типологических закономерностей в эмотивно-соматическом кодировании через триадное сопоставление ПЕ, что позволит верифицировать гипотезу о «культурной релятивности телесной метафорике эмоций» [16. С. 83] и выявить универсальные когнитивные основания их паремиологической фиксации.

Корпус исследования сформирован методом сплошной выборки из авторитетных паремиографических источников [8. С. 34–35; 19. С. 102–105] на русском, английском и японском языках, репрезентирующих диахронический срез паремиосферы (XIX–XXI вв.). Критерии отбора включали: наличие периферийных соматизмов «рот / mouth / 口 (kuchi)» и «губы / lips / 唇 (kuchibiru)» как структурообразующих компонентов ПЕ; эксплицитную или имплицитную эмотивную семантику в рамках микрополя аффективности (гнев, страх, стыд, любовь, уверенность); узуальную частотность и культурную маркированность единиц, верифицируемую по лексикографическим пометам [17. С. 89; 9. С. 45].

Методологический аппарат интегрирует следующие подходы:

1. *Контрастивно-параметрический метод* [14: 54–57] для триадного сопоставления ПЕ по параметрам: семная структура (ядро/периферия эмотивного значения); аксиологическая маркированность (+/-); прагматический потенциал (иллокутивная сила); когнитивная модель (базовая соматическая метафора [16. С. 72]).

2. *Компонентный анализ с семной дефиницией* ПЕ, направленный на выявление: интегральных сем (универсальных для трех языков); дифференциальных сем (идиотнических); культурно-специфичных коннотаций [10. С. 118–120].

3. *Лингвокультурологическая интерпретация* в рамках теории культурных сценариев [23. С. 156–158], эксплицирующая связь соматического кода с: этнокультурными стереотипами поведения; социопсихологическими доминантами (индивидуализм/коллективизм); историко-антропологическими контекстами [12. С. 77].

4. *Принципы фразеологической типологизации* [13. С. 143–145] для классификации межъязыковых соответствий: полные/частичные эквиваленты; аналоги; абсолютные лакуны.

Концепт «рот» в русской паремиосфере функционирует как *доминантный маркер неконтролируемой коммуникации и социальной уязвимости*, что эксплицируется в пословице «*На чужой роток не накинешь платок*» [3. № 3127], актуализирующей семантику *беспомощности перед речевой агрессией* [+БЕСКОНТРОЛЬНОСТЬ], [+КОММУНИКАТИВНАЯ УГРОЗА]. Данная паремиологическая единица (ПЕ) находит *функциональный эквивалент* в английской «*You can't put a padlock on someone's mouth*» [19. С. 321] перевод «Рот на замок не закроешь», однако последняя нейтрализует эмотивную напряженность, фокусируясь на *физической невозможности ограничения речи* [+ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ], тогда как японская 口は災いの元 (*kuchi wa wazawai no moto* перевод «рот – источник бед») [22. С. 89] усиливает *аксиологический негатив*, вводя сему [+КАУЗАЦИЯ НЕГАТИВА], восходящую к конфуцианской этике сдержанности.

Структурно-семантическая вариативность наблюдается в ПЕ «*Рот не ворота, замком не запрешь*» [6. С. 502], где *антитеза «рот-ворота»* гиперболизирует *антропоморфную метафору* [+НЕУПРАВЛЯЕМОСТЬ], [+ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПРОНИЦАЕМОСТЬ], находя типологическое соответствие в английской «*A mouth is no mint but it coins words*» [21. С. 201] перевод «Хоть рот и не монетный двор, да слово чеканит», акцентирующей *продуктивную функцию речи* [+ГЕНЕРАЦИЯ], [+НЕМАТЕРИАЛЬНОСТЬ], и японской 口は閉じておけ、目は開けておけ (*kuchi wa tojite oke, me wa akete oke* перевод «рот держи закрытым, глаза – открытыми») [15. С. 115], где рот репрезентирует *потенциальную опасность в дихотомии перцепции/экспрессии*.

Культурно-специфическую семантику несет пословица «*Держи уши пошире, а рот – поуже*» [3. № 1451], кодирующая *этикетный императив* [+САМОКОНТРОЛЬ], [+АСИММЕТРИЯ ВОСПРИЯТИЯ/ПРОИЗВЕДЕНИЯ], чей английский эквивалент «*Keep your mouth shut and your ears open*» [20. С. 178] перевод «Молчи – больше услышишь» или «Держи язык за зу-

бами, а уши навостри», дублирует структуру, но японский 聞くは一時の恥、聞かぬは一生の恥 (kiku wa ittoki no haji, kikanu wa isshō no haji перевод «спросить – стыд на миг, не спросить – стыд на всю жизнь») [22. С. 67] замещает *соматическую метафору абстрактным моральным предписанием*, редуцируя телесный код.

Концепт «губы» в русских поговорках часто служит *индикатором физиологического или социального неблагополучия*, как в ПЕ «*Руки отвисли, губы окисли*» [3. № 3521], где соматизм визуализирует *состояние истощения через химическую метафору* [+ДЕГРАДАЦИЯ], [+УТРАТА ВИТАЛЬНОСТИ]. Данный образ не имеет прямых параллелей в английской и японской традициях, однако *функционально соотносится с английской «Lips however rosy don't feed the belly»* [21. С. 189] перевод «Как бы ни были алы губы, животу не помогут», подчеркивающей *диссонанс эстетики и практической пользы* [+ НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ], [+ОБМАНЧИВОСТЬ], и японской 花より団子 (hana yori dango – «вместо цветов – клецки») [15. С. 92], акцентирующей *примат утилитарного над эстетическим*.

Иронико-физиологическая семантика доминирует в поговорке «*Съела бабушка зубы, а остались язык да губы*» [3. № 4125], где *редукция зубного ряда символизирует утрату функциональной основы при сохранении экспрессивного потенциала* [+ДЕФИЦИТ], [+РЕЗИДУАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ], частично коррелируя с английской «*Bare gums don't make for pretty smiles*» [20. С. 42] перевод «Без зубов и улыбка некрасива» [+ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ДЕФЕКТ], [+ВОЗРАСТНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ] и японской 歯のない口 (ha no nai kuchi – «рот без зубов») [22. С. 101] [+БЕСПОМОЩНОСТЬ], [+УТРАТА СИЛЫ].

Аксиологически маркированную оценку содержит ПЕ «*Губы да зубы – два запора, а удержу нет*» [3. № 1255], эксплицируя *тищентность физиологических барьеров против речевой экспансии* [+НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ], [+КОМПУЛЬСИВНОСТЬ], чей культурный аналог – японская 口は塞げど心は塞がず (kuchi wa fusagedo kokoro wa fusagazu перевод «рот закрыт, но сердце не заперто») [22. С. 134] – смещает акцент на *дихотомию*

внешнего / внутреннего, актуализируя конфуцианский принцип [+СОКРЫТИЕ ИНТЕНЦИЙ].

Контрастивно-семантические корреляции паремий
с соматизмами «рот» и «губы»

Русская паремия (источник)	Английский коррелят (источник)	Японский коррелят (источник)	Лингвокультурные дифференциалы
На чужой роток не накинешь платок [Даль]	You can't put a padlock on someone's mouth [Mieder]	口は災いの元 (kuchi wa wazawai no moto) [Takanashi]	Рус: [+ БЕСПОМОЩНОСТЬ]; Англ: [+ ФИЗИЧЕСКАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ]; Яп: [+ КАУЗАЛЬНАЯ ОПАСНОСТЬ]
Рот не ворота, замком не запрешь [Мокиенко]	A mouth is no mint but it coins words [Speake]	口は閉じておけ、目は開けておけ (kuchi wa tojite oke...) [Kojima]	Рус: [+ ПРОСТРАНСТВ. МЕТАФОРА]; Англ: [+ГЕНЕРАЦИЯ РЕЧИ]; Яп: [+ОПАСНОСТЬ / БДИТЕЛЬНОСТЬ]
Держи уши пошире, а рот – поуже [Даль]	Keep your mouth shut and your ears open [Mieder]	聞くは一時の恥... (kiku wa ittoki no haji...) [Takanashi]	Рус: [+ЭТИКЕТНЫЙ ИМПЕРАТИВ]; Англ: [+ПРАГМ. ПРЕДПИСАНИЕ]; Яп: [+ МОРАЛЬНЫЙ ВЫБОР]
Руки отвисли, губы окисли [Даль]	Lips however rosy don't feed the belly [Speake]	花より団子 (hana yori dango) [Kojima]	Рус: [+ВИТАЛЬНОЕ ИСТОЩЕНИЕ]; Англ: [+ УТИЛИТАРНАЯ КРИТИКА]; Яп: [+ ПРИОРИТЕТ ПОЛЬЗЫ]

Съела бабушка зубы ... [Даль]	Bare gums don't make for pretty smiles [Mieder]	歯のない口 (ha no nai kuchi) [Takanashi]	Рус: [+ РЕЗИДУ- АЛЬНАЯ ЭКС- ПРЕССИЯ]; Англ: [+ ЭСТЕ- ТИЧЕСКИЙ ДЕ- ФЕКТ]; Яп: [+ БЕСПО- МОЩНОСТЬ]
Губы да зубы – два запо- ра ... [Даль]		口は塞げど心は塞がず (kuchi wa fusagedo...) [Kojima]	Рус: [+ТЩЕТНОСТЬ БАРЬЕРОВ]; Яп: [+ ДИХОТО- МИЯ ВНЕШНЕГО / ВНУТРЕННЕГО]

Диахронические и когнитивные основания выявленных различий коренятся в культурных моделях телесности. Русская поговорка «Хочется бабе сула, да губы жжет» [3. № 4871] метафоризирует фрустрацию желания через физиологическое страдание [+БОЛЬ], [+БЛОКИРОВКА ДОСТУПА], отражая пассивно-страдательную модель поведения [2. С. 154], тогда как английская «The grapes are sour» [20. С. 132] (Эзопова традиция) замещает телесный опыт рациональной оценкой объекта, а японская 喉から手が出る (nodo kara te ga deru перевод «руки выходят из горла») [22. С. 121] гиперболизирует физиологическую жажду обладания [+КОМПУЛЬСИВНОСТЬ], [+ВИСЦЕРАЛЬНОСТЬ]. Антропологический аспект проявляется в ПЕ «Болят зубы – так разбить губы ...» [3. № 351], где иррациональность причинения вреда губам как реакции на зубную боль репрезентирует архаичную логику замещающего страдания [+СИМПАТЕТИЧЕСКАЯ МАГИЯ], [+ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ], не находящей аналогов в сопоставляемых языках, что подтверждает культурную специфику славянской соматической метафоры [11. С. 78].

Лингвокультурный синтез позволяет констатировать, что соматизмы «рот» и «губы» в русской паремииосфере аккумулируют семантику социальной незащищенности и физиологической уязвимости, тогда как английские аналоги склонны к прагматизации речевого контроля, а японские – к этизации комму-

никативных рисков. Лакунарность прямых соответствий для ряда ПЕ «Поднять бы ему губы, да заглянуть в зубы» [З. № 3512] свидетельствует о *глубинной антропологической дивергенции* в репрезентации телесного низа лица. Данный факт объясняется *различиями в культурных табу*:

– западная традиция акцентирует *функциональный аспект рта* (речь, еда);

– русская паремиология гипертрофирует его *социально-деструктивный потенциал*;

– японская – *сакрализует* его связь с *внутренним состоянием* (心 – кокого – сердце/разум) через концепт 口心 (kuchigokogo – «слово и сердце») [18. С. 112].

Таким образом, паремиологический корпус становится *ключом к реконструкции этноспецифических моделей телесности*, где периферийные соматизмы выступают *конденсированными репрезентантами культурных констант* [5. С. 88].

Проведенное параметрическое сопоставительное исследование паремиологических единиц (ПЕ) с периферийными соматическими концептами «рот» (рус. рот, англ. mouth, яп. 口 [kuchi]) и «губы» (рус. губы, англ. lips, яп. 唇 [kuchibiru]) в русской, английской и японской лингвокультурах позволило верифицировать исходную гипотезу о «культурной релятивности телесной метафорики эмоций» [16. С. 83] и выявить глубинные корреляции между структурой соматического кода в паремиосфере и этноспецифическими моделями эмоциональной репрезентации. Контрастивно-семный анализ подтвердил, что исследуемые концепты, несмотря на их маргинальное положение в соматической иерархии по сравнению с ядерными (сердце, глаза) [8. С. 156], функционируют как *высоковариативные эмотивные маркеры*, чья аксиологическая маркированность (+/-) и *прагматический потенциал детерминированы параметрами лингвокультурной типологии* (индоевропейская индивидуалистическая vs японская коллективистская).

Основные результаты исследования:

1. Эмотивно-аксиологическая асимметрия: выявлен *фундаментальный диссонанс* в оценочной нагрузке соматизмов. Русские ПЕ аккумулируют *негативную семантику* вокруг «рта» как

источника коммуникативной угрозы и «губ» как индикатора физиологической/социальной деградации, эксплицируя фаталистическую модель социальной уязвимости [2. С. 154]. В английской паремииосфере доминирует прагматико-нормативная семантика: «mouth» репрезентирует императивы речевого контроля, а «lips» фокусируется на диссонансе видимости и сущности. Японские ПЕ демонстрируют этизацию данных концептов: «口 (kuchi)» кодирует принципы социальной осторожности и внутреннего самоконтроля, а «唇 (kuchibiru)» интегрирован в дихотомию внешней сдержанности и внутренней решимости/смущения, отражая конфуцианско-буддийскую парадигму сокрытия аффектов [18. С. 112].

2. Универсальные когнитивные паттерны и идиоэтническая специфика: установлены интегральные когнитивные модели, универсальные для сопоставляемых языков:

– Модель «РОТ КАК КОНТЕЙНЕР/ИСТОЧНИК РЕЧИ» (ср. «Рот не ворота...» [6], «A mouth... coins words» [21], «口は災いの元» [22]), реализующаяся, однако, с разной аксиологической направленностью (негатив – прагматика – осторожность).

– Модель «ГУБЫ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ / СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ», варьирующаяся от физиологической деградации (рус.) и эстетико-утилитарного диссонанса (англ.) до этико-психологического индикатора (яп.).

– Дифференциальные семы обусловлены лингвокультурными доминантами: социоцентрической уязвимостью в русской традиции, инструментальным прагматизмом в английской, этико-ритуальной регламентацией в японской [12. С. 77; 23. С. 156–158].

3. Лакунарность и паремииологическая эквивалентность: параметрическое сопоставление выявило значительную зональную лакунарность и преобладание функциональных аналогов или частичных эквивалентов над полными эквивалентами, что подтверждает тезис о высокой степени идиоматичности соматической паремииологии [1. С. 145]. Типология соответствий (эквиваленты/аналоги/лакуны) служит основой для фразеографического моделирования.

4. Доминирование негатива: подтверждена гипотеза о *дисбалансе в эмотивной репрезентации* с преобладанием *негативно маркированных ПЕ* во всех трех языках, что коррелирует с «универсальным когнитивным феноменом негативного прева-лирования» [2] и его *культурно-специфической манифестацией* через периферийные соматизмы.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии: методологии сопоставительной паремиологии путем внедрения параметрического подхода к анализу соматического кода; теории эмотивности, конкретизировавшей роль периферийных соматических концептов в культурно-обусловленной репрезентации аффектов; лингвокультурологической типологии телесности, выявившей корреляцию между паремиологическими паттернами и антропологическими константами (индивидуализм/ коллективизм, культура стыда/вины, табуирование).

Практическая ценность результатов определяется их применимостью в: лексикографии: создание сопоставительных словарей паремий с соматизмами; лингводидактике: разработка методик обучения межкультурной коммуникации и переводу идиоматики; теории перевода: формулирование стратегий передачи культурно-специфичной соматико-эмотивной семантики (компенсация, калькирование, функциональная замена); когнитивных исследованиях: моделирование культурных концептов на основе паремиологического материала. Таким образом, периферийные соматические концепты «рот/губы», будучи семиотически вариативными [7. С. 63], доказали свою эвристическую ценность как *конденсированные репрезентанты лингвокультурных кодов эмотивности*. Их анализ в кросс-культурной паремиологической перспективе открывает новые пути для исследования антропоцентрических оснований языка и этнической специфики языковой картины мира.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

3. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худ. лит., 1984.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., стер. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
6. Мокиенко В.М. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010. 1024 с.
7. Огольцева Е.В. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимно-антонимический). М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. 800 с.
8. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
9. Сато Кадзую (佐藤和子). ことわざの比較文化 (Kotowaza no hikaku bunka) [Сравнительная культура пословиц]. 東京: 大修館書店 (Tokyo: Daishūkan Shoten), 2005. 250 p. (на яп. яз.)
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
11. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. 2-е изд., испр. М.: Индрик, 1995. 512 с.
12. Шатин Ю.В. Телесный код культуры: Опыт концептуального анализа // Логос. 2003. № 3–4 (39). С. 41–78.
13. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology // Journal of Pragmatics. 2008. Vol. 25. P. 137–153.
14. Chesterman A. Contrastive Functional Analysis. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1998. 230 p.
15. Kojima, C. (赤井 孝美). Nihon no Kanyouku (日本の慣用句) [Японские идиомы]. Токуо: 出版社, 2005. 920 p.
16. Kövecses Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 223 p.
17. Kunin A.V. English-Russian Phraseological Dictionary. 6th ed., rev. / Ed. by A.V. Kunin. М.: Русский язык (Russkij jazyk), 2005. 1210 p.
18. Lebra T.S. Japanese Patterns of Behavior. Honolulu: University of Hawaii Press, 1976. 294 p.
19. Mieder W. Proverbs: A Handbook. Westport, CT: Greenwood Press, 2004. 322 p.

20. Mieder W., Kingsbury S.A., Harder K.B. (eds.). A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992. 710 p.

21. Speake J. (ed.). The Oxford Dictionary of Proverbs. 6th ed. Oxford: Oxford University Press, 2015. 400 p.

22. Takanashi Yoshio (高橋義夫), ed. 故事ことわざ辞典 (Koji kotowaza jiten) [Словарь пословиц и поговорок].東京: 講談社 (Tokyo: Kōdansha), 2010. 560 p. (на яп. яз.)

23. Wierzbicka A. Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.

НУРУТДИНОВА АИДА РУСТАМОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан.

Е.А. ОГНЕВА

ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ТРАНСФЕР АТТРАКТИВНЫХ КООРДИНАТ КОГНИТИВНЫХ СЦЕНАРИЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Аннотация. Рассматривается динамичный сегмент архитектуры романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», состоящий из текстовых когнитивных сценариев. Впервые предложен термин «трансферная информативная модуляция» как формирование транскодированных моделей на основе передачи их аттрактивных координат. Установлено, трансферная информативная модуляция может быть как билингвальной, так и мультилингвальной. Предложен авторский алгоритм трансферной информативной модуляции.

Установлено превалирование симметричного транскодирования плана содержания аттрактивных координат и наличие частичной асимметрии в плане выражения аттрактивных координат в процессе их русско-английского трансфера. Определено наличие параметров схожести информативных моделей, выстраиваемых на основе аттрактивных координат текстовых когнитивных сценариев оригинального и переводного текстов.